«Философия общего дела» Н. Ф. Федорова как нравственные основания русской идеи

Аннотация: Россия – ведущая мировая цивилизация. Воскресительная идея, родившаяся в России, настолько сверхпассионарна, что вызывает безотчетный запрос других стран, спрос с России к исполнению долга воскрешения, к спасению этим. Русских небезосновательно упрекают, зывают к нашей ответственности, не дают нам самоуспокоиться, почивать в своем величии, ведь это величие в ответственности за свой Путь. Наиболее глубоко образ русского народа как вершителя и в то же время ответственного исполнителя высшей воли выразил Николай Федоров, философ и библиотекарь.

Ключевые слова: Федоров Н. Ф., воскрешение, общее дело, наука, империя.

Русская философия в целом историософична. Поиск смысла существования России, поиск русской идеи – сущностная характеристика русской философской культуры, ее типологическая особенность. Об этом было много сказано. С нашей точки зрения, наиболее точно и глубоко говорил Н. А. Бердяев в своей книге, которая так и называется – «Русская идея». Это его слава: «Русские размышления над историософической темой привели к сознанию, что путь России – особый. Россия есть Великий Востоко-Запад, она есть целый огромный мир, и в русском народе заключены великие силы. Русский народ есть народ будущего. Он разрешит вопросы, которые Запад уже не в силах разрешить, которые он даже не ставит во всей их глубине» [1, с. 105].

Борьба за русскую идею – это борьба за Россию. Борьба против русской идеи, ее поиска, дискредитация этого процесса – это борьба против России, что получило название русофобия, которая современными исследователями характеризуется как: «... отрицающая способность русского народа быть носителем, выразителем великой идеи, в целом дискредитирующая русское начало, весьма многолика. Наиболее распространенный вариант – либеральный прозападный космополитизм, утверждающий абстрактного всечеловека, трактующий западную цивилизацию как «универсальную», призванную ассимилировать «отсталую» русскую культуру. В этом же ключе – лживое очернительство духовной основы русской культуры – православия» [2, с. 4].

Кропотливо навязываемый нам образ «человека мира», не привязанного ни к земле, ни к своему народу, был направлен на духовное опустошение новых поколений, но, судя по количеству штурмовавших Верхний Ларс, эта тактика не сработала. Мы видим, что в других, праведных, штурмах участвует, во-первых, намного больше молодых людей, а во-вторых, после штурма Верхнего Ларса те люди вернулись, в большинстве своем, обессиленными, с пониманием бессмысленности своих стремлений и жизни за пределами своей страны. Это наверняка для многих стало большим уроком. Вряд ли эти сбежавшие и вернувшиеся сейчас рванут на фронт, скорее всего, их немощь не позволит это сделать. Но они, если не сразу, то со временем *осознают источник* своей мощи, своих смыслов.

Уникальное по глубине прозрения представление о таком типе находим у Александра Сергеевича Панарина, выдающегося русского философа, который еще в самом начале 2000-х годов писал: «Яркие, цельные типы начисто исчезли, и сцену занял смешанный тип всеядного эклектика, уклончиво отвечающего на все прямые вопросы, для того чтобы сохранить на всякий случай пути отступления. А отступать он готов куда угодно <...> Такой тип в принципе не способен что-либо защищать и отстаивать...» [3, с. 77].

Живя в отечественном культурном поле, мы привыкаем к разлитому, можно сказать, пониманию, что такое хорошо, что такое плохо, пониманию, что существует смысл жизни, и у нас уже устоялась высокая планка запроса на понимание смысла жизни, далекая от

ценностей потребительства, извлечения прибыли, захватничества, попыток ограничить развитие других народов и стран.

Можно даже увидеть, что в РФ объективно низкий, по сравнению, например, со странами Европы, уровень заработной платы в среднем по стране, но с сохраняющимся энтузиазмом и творческим потенциалом трудящегося человека, объясняется тем, что русский человек получает зарплату не только деньгами. Сам Дух России питает вдохновение и пассионарность, дает жизнь и телу, и внутреннему миру человека.

В русской философии и культуре смысло-жизненная парадигма является центральной. Поиск смысла духовного бытия России и мира, то есть осознание того, что Россия имеет свою особую миссию, проходит красной нитью через всю интеллектуальную и духовную историю России.

И это представление неискоренимо, со временем оно лишь усиливается. И это не просто декларация, это ответственность, где слово становится делом. Но для этого необходима, как говорил Александр Сергеевич Панарин, реабилитация русской культуры, особенно в идеологии отмены русской культуры.

В современной ситуации обращение к классикам русской философии представляется стратегически важным. Среди большого количества выдающихся имен имя Николая Федорова имеет особое значение. Его «Философия общего дела» – знаковый этап в развитии представлений о русской идее. Учение Н. Ф. Федорова – это глубинное проявление русского духовного мировидения. Федоров вбирает в себя наиболее корневые проявления русской культуры, и православной, и народно-бытовой, и научно-технической. В его лице происходит синтез самых глубоких достижений и дарований русского народа.

В этом смысле идея Федорова о всеобщем спасении может быть истолкована как радикальная форма русского Мифа, как нравственная мечта. Мысль о всеобщем воскрешении всех умерших предков часто воспринимают неадекватно, как нечто фантастическое и абсолютно утопическое, а с точки зрения ортодоксального богословия как ересь. Но это с точки зрения рационализма и позитивизма, который характерен и для богословия. С точки зрения духовной культуры – это нравственная мечта, или Миф, и в то же время это наиболее здравый и практический момент, поскольку русский космизм привёл к развитию отечественной космонавтики, способствует мощному технологическому прорыву нашей страны.

Хотя нечестно было бы сводить практичность воскресительной философии Федорова к исключительно внешним практическим результатам и тенденциям развития.

Некоторые исследователи утверждают, что технологический прогресс в значительной степени уже достиг пределов во множестве отраслей знаний. Однако по закону развития тупик невозможен, в этом случае человечество ждет регресс. Таким образом представление о прогрессе необходимо переосмыслить, увидев источником и мерилем прогресса внутреннее совершенство человека.

Здесь мы видим переключку с точкой зрения Н. Ф. Федорова, который утверждал, что успехи науки, направленные на достижение бессмертия, неэтичны, так как не может и не должно быть бессмертия без воскрешения и воскрешения без преображения.

Федоров смещает вектор всеобщего развития на необходимость внутреннего совершенствования каждого человека, в том числе приобщение каждого к научной деятельности (читай – развитие логического мышления, сознания, разума каждого), а также и в творческой реализации каждого, что способствует развитию духовного зрения (по формулировке П. Флоренского), интуиции, утонченности чувств, чуткости.

Именно всестороннее развитие каждого мы видим новой наиболее перспективной формой прогресса. Мерилем прогресса должно быть развитие разносторонних способностей человека, а не его деградация через специализацию (которая выгодна сфере производства, но не человеку как виду).

Предлагаем небольшой анализ, на основе которого создается впечатление, что мы всей страной много десятков лет живем по Федорову. Это объяснимо, конечно, когда философия

рождается, что называется, «из-под плуга землепашца», не на академических трибунах, которые Федоров критиковал за элитарную узость. Сам Николай Федорович оставил колоссальное наследие, но выражал он его постепенно, скромно, через публицистику, исторические заметки, социальные проекты.

Интересно увидеть реализацию идей Федорова. Иногда прямо дословную, можно сказать.

Например, известный тезис. **Вовлечение каждого человека в творческий, научный, трудовой процесс.** Наиболее очевидным такой вариант применимости каждого мы видим в истории Советского Союза. Задача возвращения советского человека как человека-творца. Для этого было организовано всеобщее образование, всестороннее развитие, существовали спортивные секции, кружки, клубы по интересам для всех возрастов. Обязательный отпуск для всех трудящихся, пенсии, бесплатное медицинское обслуживание. Заметим, что многие из этих решений по необходимости были приняты вслед за Советским Союзом и в других странах.

То же касается настойчивых требований Федорова в отношении **антиколониальной политики.** Как мы знаем, впоследствии Советский Союз последовательно проводил такую политику, поддерживал борьбу стран за независимость, и надо сказать, что этот процесс сдвинулся, постепенно колониализм стал считаться неприличным, что во времена Федорова было новаторской мыслью.

Вспомним о новаторстве Николая Федорова в **библиотечном деле,** которое в итоге повлияло на способы организации хранения всего спектра информационных и материальных свидетельств истории цивилизации. Его предложения об обязательном экземпляре, о написании аннотаций каждым автором как реализации долга ученых перед неучеными, об организации разного рода каталогизации. Как мы знаем, в нашей стране был повсеместно распространен опыт работы библиотек на основе этих принципов, с их развитием.

Интересно увидеть реализацию идеи Федорова, выразившуюся в картинах самобытного русского художника Ефима Васильевича Честнякова. Многие помнят его необычные картины. И вспоминается фраза Николая Федорова: «чтобы действовать на всех, **иконопись должна была бы и изображать всех**» [4, с. 163]. В своих картинах художник Честняков открывает внутренний мир людей, портреты которых – женщин, мужчин, детей – практически все написаны наподобие икон. Каждый портрет художника – это портрет «человека облагороженного образа».

Приведем еще один тезис Федорова, приближающий нас к современным событиям и побуждающий к деятельному участию каждого в самом главном сегодня общем деле нашей страны. Разводя понятия «отечественность» и «**патриотизм**», Н. Ф. Федоров понимает под последним подмену истинных смыслов, в результате которой патриотизм «вместо любви к отцам сделал их предметом своей гордости, то есть заменил любовь, или добродетель, гордостью, пороком, а любовь к отцам любовью к себе самим, самолюбие» [4, с. 43]. То есть такой патриотизм убивает любовь к отцам-предкам, заменяя ее гордостью их подвигами. За этой гордостью кроется необязательность своего личного подвига, в том числе во имя отцов. Такой *неподлинный патриотизм* является наиболее извращенной формой сознания, считающегося нравственным.

Актуально сегодня вспомнить тезис Николая Федоровича **о войне.** Причиной ведения войны Федоров единственно допускал защиту своей страны или *разоружение* агрессивных стран. Сегодня мы видим дословное следование этому завету в главных целях нашей специальной военной операции – *демилитаризация* и денацификация.

Надо здесь заметить, что принципиальное следование в таком страшном и непредсказуемом явлении, как война, *этическим* законам и нормам, уже приводит к видимым результатам. Этичность как человечность в действиях военнослужащих РФ приводит к разумности, нашему прогрессу знанием, в том числе в военной науке. Сейчас уже многие отмечают мудрость и виртуозность технологических и тактических решений с

стороны вооруженных сил РФ и снижение интеллектуального уровня и осознанности агрессивных действий наших противников.

Эти примеры демонстрируют жизнеспособность идей Федорова, хотя, конечно, вряд ли советские и современные руководители нашей страны на самом деле живут по заветам Федорова. Но в таком случае становится очевидным, что он обладал даром предвидения. Из этого следует, что нам не надо отрешиваться от некоторых других его тезисов, которые нам пока непонятны.

Например, многих шокирует заявление Федорова о том, что придет время, и человечество будет восполнено воскрешенными отцами, у людей перестанут рождаться дети.

Но ведь мы сейчас уже можем предположить, что это мог быть не призыв, не стремление заменить детей отцами, а предостережение о возможности такого положения дел на планете. Ведь мы уже слышим о так называемых успехах биотехнологии. Человек может настолько переделать свою естественную природу, свой организм, что потеряет способность к деторождению и загонит себя в тупик трансгуманистической утопии.

Обратимся к воскресительной интенции Федорова, которая пронизывает абсолютно весь широчайший тематический круг философии общего дела. Здесь мы находим описание *методов воскрешения*, и вариантов этих немало, что приводит исследователя в замешательство. Федоров объясняет свой подход к этому вопросу. Он говорит, что воскрешение надо обязательно явно представлять, можно сказать, *идею* воскрешения надо переводить в *мысль* о методах воскрешения, но не останавливаться на этом, помогать мысли воплотиться, доводя ее до чувств и даже ощущений. То есть описанная вариативность методов не случайна. Федоров заставляет нас мыслить, чувствовать, ощущать воскрешение, вырабатывать в себе потребность в нем.

Одним из современных знакомых нам выражений воскресительной философии Федорова через практическую деятельность каждого является акция «**Бессмертный полк**». Ни одну семью в нашей стране не обошла Великая Отечественная война. У каждого из нас есть портрет, который можно пронести в этом ряду. Заметим, что мы прямо физически поднимаем эти портреты, как бы помогая их душам взойти. И в то же время держим, сохраняем в своей памяти их имена, продлевая их жизнь на земле собой, обещая отменить забвение, призывая грядущее воскрешение.

Воскрешение как вершина христианского учения – это вершина Пути Христа, явившего на планете пример воскрешения. Одновременно явление Христа – это уникальный на планете пример явления Отца в Сыне человеческом. Завет Христа «только чрез меня взойдете» обретает новое звучание. Он не только призывает идти за Христом, а обязывает *каждого* стать Христом собою. И здесь можно предположить, что второе пришествие Христа – это скорее всего становление каждого из нас, блудного сына, Христом собою и пришествие таким образом к Отцу, когда каждый – сын, для которого Отец – это не просто Создатель, а единственное содержание всех чувств, мыслей, смыслов, сути бытия, самое высокое и единственное мерило всех дел и помыслов. При этом Отцу не нужны дети-клоны, все одинаковые, идеальные, стандартные. Эталоны Отца есть в каждом из нас законом Образа и Подобия, но реализуемся мы ими зачастую весьма творчески, по свободе воли.

Очевидно, возможность Христа воскреснуть была обусловлена не посмертным его желанием, а возможностью, стяженной им еще при жизни. Этот путь не закрыт.

Недаром, как говорится, очередь на Голгофу не стоит. Человек осознаёт, что Отцу не нужны страдания его детей. Путь Христа – это путь внутреннего совершенства каждого из нас.

Проективный подход Философии Общего дела обязывает нас говорить о воскрешении, искать пути воскрешения, относится к воскрешению как к задаче, не ждать, что нас будут воскрешать. Воскресни сам, воскреси другого.

Достижение бессмертия воскрешением каждого, к которому призывал Н. Ф. Федоров, является наиболее кардинальным преображением человека, когда-либо предлагавшимся в истории философии.

Обоснованная Федоровым безальтернативность всеобщего воскрешения, более того, поддержанная страстью человека к бессмертию, ставит нас перед фактом того, что воскрешения не избежит никто из нас, даже если мы к моменту всеобщего воскрешения уже уйдем из этой жизни. То есть это по-настоящему всеобщее дело человечества. И беспрецедентная идея, единственно всеохватная и всечеловеческая.

Акцент на всеобщем у Н. Ф. Федорова есть исконное соборное свойство и православия, и русской души, в равной мере не терпящей никакого индивидуализма ни в наказании, ни в спасении. Это действительное, реальное отличие русской философии, прежде всего, от западноевропейской, где всегда *индивидуальность*, одинокая, отчужденная, несчастная в своем одиночестве, но свято хранимая индивидуальность.

Но воскреснуть одному не получится. Воскрешение небратским не бывает. Первые не взойдут, пока не взойдут последние.

Античные философы учили, что Истину познать нельзя, но познавать нужно. В нашем случае: не видеть путей воскрешения – нормально, но стремиться к воскрешению необходимо. Воспитание внутренней готовности к воскрешению и вечной жизни снимает, как минимум, тенденцию «после нас хоть потоп». Философия воскрешения – та самая дорога с двусторонним движением. Мы с нашим воскрешением должны идти навстречу друг другу, оно само по себе не наступит.

Известен факт: когда в тяжелые времена нашей истории люди на Руси узнали о появлении в стране такого праведника как Сергей Радонежский, народ испытал огромный духовный подъем. Издавна появление в народе великого праведника и подвижника свидетельствовало о милости и благоволении Творца к *этому народу*, об успехе и преобразении пути развития этой страны к лучшему. Как мы знаем, те времена разрешились Куликовской битвой, следствием которой стало завершение тягостных для России лет татаро-монгольского ига. На этом примере можно увидеть, что рождение в русской философской мысли философии воскрешения ясно показывает воскресительную силу нашего народа, способность и возможность воплощения смелых идей русских космистов в жизнь. Духовные, ментальные и иные особенности нашего народа позволили воскресительной философии общего дела родиться и раскрыться в нашем духе. Это можно и нужно воспринять как величайшее поручение в истории человечества. Как известно, «руками и ногами человеческими» творятся великие дела.

В учении Федорова можно выделить ядро русского Мифа, это то, что он называл «Супраморализм, или всеобщий синтез». Главным стремлением Федорова здесь мы видим морализацию всех миров. И пришла пора считать эту задачу актуальной. Человечеству планеты Земля пора принять право на экспансию вне планетарного пространства. Это будет возможно с применением технологий, которые будут открыты при условии, если человечество увидит свои геополитические интересы вне планеты Земля. Смыслы должны быть высшими. Человечество освоило космос? Нет. У нас иллюзия, что мы осваиваем космос, на самом деле мы пока осваиваем околопланетное пространство. Созидание человечества вне ближнего космоса приведет человека на новую ступень развития человечества, где человек освоит планеты, зеркальные планете Земля.

Освоение космоса энергоемкое, поиск новых источников энергии – задача науки в ближайшие тысячелетия, и начинать надо сегодня. Мы найдем источник энергии, способный перевезти человека в любую точку космоса. Но позиция наблюдателя должна быть иной, не планетарного масштаба, нужно смотреть выше. Поэтому Николай Федорович Федоров и определял целью расселения человечества в космосе морализацию всех миров. Это разговор, в первую очередь, не о физическом расселении, а о распространении морали как человечности, что задает совсем другие смыслы экспансии человечества в космос. Чтобы быть не только планетарным человеком, надо своим духом, своим сознанием быть готовым охватить свое запланетное бытие, выйти за пределы представлений о возможном. Планета остынет рано или поздно. Но экспансия заповедана нам Отцом – заселение по планетам и Метагалактикам.

Как известно «Россия нигде не кончается», и в первую очередь, вверх. Россия – космическая держава, первенство в освоении космоса у России, и в большой космос мы выйдем первыми.

Стратегия Земли не в космосе, а в большом космосе. Нам надо искать систему мер большого космоса, где расстояние не существенно, не важно. Большой космос не направляет нам свет и энергию, мы это получаем из ближнего космоса. Большой космос – это источник Изначального Огня и Воли.

Идея Супраморализма Федорова, казалось бы, утопичная идея – синтез науки, религии, философии, искусства, хотя в действительности они всегда разъединены, каждая область занимается своими задачами. Но именно эта идея синтеза всех духовных сил человека, представленных в разных областях культуры, отвечает глубинной антропологии, и является сущностным выражением русской идеи о всемирном братстве на основании этого фундаментального синтеза всех духовных и материальных сил человека.

Именно антропологический взгляд на существование науки, философии, искусства допускает возможность такого синтеза. Научное познание, как и творческая реализация, и философское и мировоззренческое построение картины мира каждого, являются имманентными свойствами человека, в первую очередь, и только во вторую очередь выражаются внешними институциями.

Интересно увидеть, как выражается, например, научность в человеке. Увидим, что это, во-первых, самоаттестация, самоверификация, и она происходит постоянно и с применением всех известных нам научных методов.

Во-вторых, можно увидеть научность каждого как любовь. Только любовь имеет право выбирать. То же мы видим в науке. Сергей Булгаков, описывая особенности научного мышления, говорил об отсутствии свойства всеобщности, единства в научном познании. Любовь такая же, она имеет право на любимого. Любимый человек, любимый дом, любимые места. Любовь, как и наука, выделяет из целого что-то особенное. Любовь к множеству людей никогда не приводит к всеобщей любви. Всеобщность, скорее, прерогатива философскости. И в науке бесконечный набор законов никогда не приходит к всеобщему закону.

Можно даже увидеть антропологически такую системность:

Синтез – Откровение

Воля – Парадигма

Мудрость – Философия

Любовь – Наука

Творение – Искусство

Вышестоящее включает нижестоящее как часть. Таким взглядом мы преодолеваем монополию религии на Бога (на откровение) и монополию науки на истину. Каждый ученый откровенен своей наукой, каждый творец откровенен своим искусством. И все это есть в каждом.

И важно добавить. Говоря о сыновности и об отцовскости как центральной теме философии общего дела, как ни странно, уместно вспомнить позицию Николая Федорова, утверждавшего, что единственным совершенным государственным строем может быть только самодержавие как выражение прямого соподчинения и со-действия высшего иерарха государства с каждым гражданином страны, то есть как выражение отношения отцов и сыновей.

Здесь уместно обозреть историю России и признать, что какую бы страну мы ни пытались построить – коммунистическую или капиталистическую, мы каждый раз видим, что строим империю. Однако важно определить внутренний глубинный источник этой имперскости и ее особенность. Важно увидеть и утвердить имперскость каждого как отцовскость. Мы есмь сыны и дочери одного Отца. Каждый по готовности входит в это

совершеннолетие, воскрешается отцовскостью в себе. Всеобщее братство возможно только единством Отцом личным свободным выбором каждого.

Русская имперскость особая. Нет отдаленных колоний, функционирует как единое государство, можно сказать, унитарное, но при этом сама называет себя империей, и окружающие страны активно ищут и находят у России имперские амбиции. Некоторыми исследователями замечено, что особой общности у русских людей не наблюдается. А это и есть та самая наша искомая имперскость. Каждый – сам (не один, а именно сам). Один на один с «императором». Из этого – соответствующие права и обязанности. Ни за какие спины не спрячешься. Как перед Богом стоять – один на один. Синархическая империя. Всеобщность Отцом.

Россия – ведущая мировая цивилизация. Ее образ будущего ткется не материально, а в первую очередь мистериально, и не в противовес кому-то или чему-то, а направляемый свыше. Можно сказать, мистерия в России законодательно утверждена. Но мистерию надо пестовать. Как песню надо петь. Мистерия пронзает всё в жизни россиян. Тот же русский авось включен во все дела и планы, ни один план бы не сработал без авось. Он самый продуманный. Мистериальность России делает ее выше, но не относительно других стран, а относительно самой себя. Этот образ наиболее близок россиянам, и не как град на холме, избранный народ, а как российская идентичность, исконно способная переводить высшие смыслы в дела, образы, стратегии.

Человеку нужно запредельное. Все дети смотрят в небо. Нам сказано – будьте как дети. Воскрешение – самое неведомое, никто не знает, что за ним. Смириться с неведомым – большое творчество, когда не знаешь, что будет, но мечтаешь об этом. Вершина непредубежденности и неотчужденности – это образ всеобщего воскрешения. Принять тех, кого не знаешь, в команду своего воскрешения – это настоящая отцовскость. Признать свой долг перед ними – настоящая сыновность.

Именно сегодня, когда идет в буквальном смысле битва за цивилизационно-культурный суверенитет России, идеи Федорова приобретают большую практическую значимость. Пришло время их нового переоткрытия и переосмысления.

Литература

1. О России и русской философской культуре : Философы рус. послеокт. зарубежья : [Сборник / АН СССР, Науч. совет по пробл. рус. культуры; Сост. М. А. Маслин; Вступ. ст. М. А. Маслина, А. Л. Андреева, с. 5-42]. – Москва : Наука, 1990. 528 с.
2. Кочеров С. Н., Париков О. В., Кондратьев В. Ю. Философия русской идеи: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2018. 288 с.
3. Панарин А. С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М., 2005. 188 с.
4. Федоров Н. Ф. Вопрос о братстве // Собрание сочинений: В 4-х тт. Том I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 35-309.